

УДК 001; 130.2

ПРОБЛЕМА ИННОВАЦИЙ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ М.К. ПЕТРОВА**В.С. ИГНАТОВА***Белгородский государственный
институт искусств и культуры**e-mail: vera_bgiiik@mail.ru*

В статье эксплицированы философские смыслы понятий «инновации», институты обновления и трансляции знания с опорой на работы М.К. Петрова и современные философские и социально-гуманитарные исследования.

Ключевые слова: инновация, творчество, репродукция, ритуал, традиция, культура, цивилизация, институт обновления, институт трансляции.

Стало тривиальным и модным употреблять термин «инновации» и «креативность», говорить о том, что современное человечество развивается в научно-инновационной цивилизационной перспективе, а производство знания и многообразных инноваций оказывает влияние не только на политико-экономическую сферу современных обществ, но и на духовно-нравственную культуру наций, межкультурный диалог, солидарность групп, ментальность граждан. Однако, ближайшее рассмотрение проблемы инноваций и инновационного развития науки и общества показывает философско-методологическую ограниченность того горизонта, в котором используются соответствующие понятия. Мы уже отмечали¹, что до сих пор не актуализировано наследие родоначальника советского науковедения, философии науки и философии культуры М.К. Петрова. Опираясь на его работы² и переинтерпретируя некоторые его концепты, попытаемся выстроить понятийный ряд, позволяющий увязать «инновационность» с творчеством и производством нового знания и способов деятельности в культуре.

Отметим, что термин «инновации» М.К. Петров употреблял, начиная со своей второй кандидатской диссертации, но не так часто, оперируя и другими концептами, близкими по смыслу и значениям: «новация», «новое знание», «бисоциация», «открытие», «творчество», «научное творчество», «продукты творчества», «постредакционная вставка», «селекционирующая вставка», «творческая вставка», «трансмутация», «обновление социокодов» и т.д. Этот ряд очень важен применительно к инновационному проблемному полю.

Вполне логично в духе петровской методологии обратиться к тезаурусным определениям инноваций и связанного с ними понятийного ряда в профессиональных словарях и энциклопедиях по философии и социально-гуманитарным наукам. Но нас сразу же постигнет разочарование от статьи в «Новой философской энциклопедии»: «Инновации – нововведения, понимаемые в контексте общей тенденции вытеснения традиционных, архаичных и кустарных форм деятельности рационально организованными»³. Во-первых, определение «инноваций» дается через «инновации», так как «нововведения» как по латыни и означаются словом «innovatio», так и в английском языке – «innovation». Это ни что иное как «логический круг», порочное определение по тождеству, с чем не соглашается строгое формально-логическое мышление. Во-вторых, «инновации» понимаются только в контексте «современности», «модерна» как «рациональные формы деятельности», приходящие на смену «архаичным» и

¹ Игнатова В.С., Римский В.П. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур: (культурно-цивилизационный контекст) // Наука. Культура. Искусство. Научный журнал БГИИК. – №1. – Белгород, 2012. – С. 34-57.

² См.: Петров М.К. Античная культура. – М., 1997; Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М., 1995; Петров М.К. Историко-философские исследования. – М., 1996; Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М., 2004; Петров М.К. Самознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992; Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. – М., 1992; Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991 и др.

³ Панарин А.С. Инновации // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. – М., 2010. – Т. 2. – С.121.

«традиционным» (надо понимать, «нерациональным», а это проблематично), что сразу же снимает проблему нововведений в предшествующих индустриальной цивилизации традиционалистских культурах и обществах. Здесь явно чрезмерное и некритическое следование веберовским концептам, который, кстати, не лишил мир традиционализма «рациональности», в том числе практической. При таком подходе заявленные нами предметные поля стали бы во многом излишними. Но это не так.

Как ни странно, более строгий подход к определению «инноваций» мы находим у социологов. Здесь под инновацией понимаются более широкие «явления культуры, которых не было на предшествующих стадиях ее развития, но которые появились на данной стадии и получили в ней признание («социализировались»); закрепившиеся (зафиксированные) в знаковой форме и (или) в деятельности посредством изменения способов, механизмов, результатов, содержаний самой этой деятельности. Во втором случае чаще используют понятие «нововведение», выражая его сущность в терминах инновационной деятельности и инновационных процессов (если учитывается процесс сопряженных изменений в среде) и раскрывая его содержание как комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для удовлетворения человеческих потребностей, меняющихся в ходе развития социокультурных систем и субъектов... Второе понимание инновации может быть рассмотрено в более широкой рамке культуры как технологизация первого понимания инновации. В этом общем случае исходным (базовым) выступает представление о культуре как сложноорганизованной целостности, формируемой двумя типами разнонаправленных процессов. Это вектор креативности (изменений, обновлений, творчества и т.д.) культуры и вектор структурирования (упорядочивания, нормативности, традиционализации и т.д.)»⁴. И автор этой статьи совершенно справедливо делает ссылку на имя М.К. Петрова, как первооткрывателя «инновационного интерьера» в проблемном поле современной философии и социологии.

В этом определении автор, во-первых, разводит инновации как *вновь созданные*, то есть инновации как *продукт творчества*; и «нововведения», то есть *продукты «социализации» и «технологического применения» творческих инноваций*. При этом под нововведениями понимают «комплексный, завершённый, целенаправленный процесс создания, распространения и использования новшества, ориентированный на удовлетворение потребностей и интересов людей новыми средствами, что ведет к определенным качественным изменениям состояний системы (или области, где реализуется новшество) и способствует возрастанию ее эффективности, повышению стабильности и жизнеспособности»⁵. Странно, но и «нововведения» определяются через «новшества». Такая словарно-этимологическая игра, на наш взгляд, вряд ли что проясняет. Однако, в несомненную заслугу авторам «Социологического словаря» можно поставить то, как они последовательно и подробно разворачивают инновационный тезаурусный ряд⁶, проясняя многие смыслы и значения «инновационного бытия» человека и общества.

Собственно, по этому пути «терминологического разведения» пошел и В.П. Римский, употребляя понятия «креативные инновации» и «репродуктивные нововведения»⁷ и выстраивая логическую оппозицию «инновация – репродукция», «творчество – репродукция». Можно развернуть и далее логические оппозиции по ряду «инновация – репродукция»: «инновация – традиция», «культура – цивилизация»,

⁴ Абушенко В.Л. Инновация // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грипанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн., 2003. – Режим доступа: // http://slovari.yandex.ru/книги/Энциклопедия_социологии.

⁵ Кучко Е.Е. Нововведение // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003.

⁶ Кобяк О.В. Инновационная культура // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003; Кобяк О.В. Инновационный образ мышления // Там же; Кучко Е.Е. Инновационный процесс // Там же; Кобяк О.В. Инновации социальные // Там же; Кучко Е.Е. Инновационные социальные технологии // Там же.

⁷ См.: Римский В.П. Креативные инновации культуры или репродуктивные нововведения цивилизации? Опыт прочтения культурологии М.К. Петрова // Креативность в пространстве традиции и инновации. III Российский культурологический конгресс с международным участием. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2010 г. – СПб., 2010. – С. 430-431 и др.

«деятельность – технология», «новое – старое», «свобода – необходимость». Но так мы уйдем в бесконечность уже содержательных понятий и концептуальных споров.

Следуя методологии тезаурусной динамики М.К. Петрова, логично обратиться к «переднему краю науки», который составляют (или должны в идеале составлять), на наш взгляд, прежде всего диссертации. Но поскольку диссертации в инновационном проблемном поле, к сожалению, пишут в основном экономисты и социологи, что мы отмечали во введении, то обратимся к самой новейшей, только представленной к защите философской диссертации. Диссертант дает своё понятие инновации, хотя рассматривая узко, только в плане социально-философском. «Продуцирование нововведений, – пишет она, – создание условий для их реализации и готовность членов общества к освоению большого количества инноваций характеризуют инновационный тип развития, в котором находит максимальное выражение технократическая идеология, где размывается представление о пределе как структурно организующем элементе социального бытия, утрачивается знание о его сущностных характеристиках, преобладает стремление элиминировать все пределы и выйти из состояния «тотальной ограниченности». Несмотря на желание избавиться от пределов посредством инноваций, тип развития, основанный на нововведениях, также имеет различные пределы, в том числе и социальные: адаптационные, ментальные, коммуникативные и т.д.»⁸. Но и здесь автор со всей очевидностью отождествляет как синонимы «инновации» и «нововведения», определяя одно через другое, т.е. впадает в порочный формализм «логического круга».

Но что тогда требовать от представителей социально-гуманитарного знания, которые сплошь и рядом применяют термин «инновация» без должной категориальной и понятийно-логической рефлексии. Например, директор Института стратегических инноваций, председатель Комитета по инновационной культуре Комиссии России по делам ЮНЕСКО А. Николаев пишет: «Конкретность подхода требует точности понятийного аппарата, определяющего сущность и механизмы инновационного развития. Начнем с базовой дефиниции «инновация». Мы придерживаемся устоявшегося в профессиональном общении (откуда такая очевидность?! – авт.) понимания инновации, или нововведения, как *реализованного новшества независимо от сферы применения...* Само же новшество, т.е. научная, научно-техническая разработка, изобретение, становится инновацией, как правило, в виде товара, услуги, метода»⁹. И опять тот же тривиальный логический круг, когда «инновация» определяется через «новшества» (да еще «реализованные» как товары и услуги). Комментарии, как говорится, излишни.

Можно и дальше иронизировать, но нам никуда не деться от того, чтобы расчистить пути для выработки *философского определения инноваций*, которое было бы возможно развернуть в системе понятий и конкретно-исторического понимания. Представляется разумным в том веере понятий и смыслов, которые связаны с термином «инновации» выделить более общие, *родовые*, под которые можно было бы подвести и прояснить вопрос об «инновациях в культуре». Таковыми нам представляются понятия «культура» и «творчество». Поэтому мы вновь вернемся к идеям М.К.Петрова, и поставим вопрос: как видел сам философ инновации в контексте культуры? Как он понимал культуру и творчество?

В этой связи уместно вспомнить те споры, которые развернулись в 70-е годы прошлого века в отечественной философии вокруг ответа на вопрос: что такое «культура»? Тогда особенно актуальным стало прояснение в рамках «деятельностного подхода» к культуре¹⁰ таких парадоксальных проблем: всякая ли деятельность человека

⁸ Струк Е.Н. Социальные пределы инновационных изменений: философско-методологический анализ. Автореферат диссертации... д. филос. н. /09.00.11 – социальная философия. – Красноярск, 2013. – С. 3.

⁹ Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 5. – Режим доступа: <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/1362>.

¹⁰ См.: Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону, 1979; Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М., 1983 и др.

имеет отношение к собственно «культуре»? М.К. Петров еще в 60-е годы опередил эти споры по поводу «культуры как деятельности», выделяя в своих работах, пусть и опубликованных позже, *культуру как деятельность* (речь шла не о «материальной» культуре в отличие от «духовной», но о культуре как предметной деятельности, так как обе они были «предметными», а формы «духовной», например, знаковая деятельность, вполне вписывались в определения «предметной деятельности») и *культуру как общение*, субстанцией которой и является собственно *творчество конкретного, «смертного индивида»* (иногда, правда, он вспоминал в текстах и о «живом индивиде», что, на наш взгляд, более оптимистично). «Но не менее очевидны и опасности, – писал он в этой связи, возражая против распространения понятия «деятельность» на *процессы изменения знания*, – возникающие при нерасчленном использовании термина «деятельность», поскольку в нем сказываются существеннейшие различия между *процессами изменения знания и собственно деятельностью* (выделено нами – авт.). Хотя эти процессы и деятельности актовы, но в процессах изменения знания акты *уникальны*, а в деятельности – *подобны* (выделено нами – авт.), а процессах изменения знания действует запрет на повтор-плагиат и принцип приоритета (нельзя дважды изобретать велосипед), а в деятельности – запрет на отход от нормы-образца, т.е., то, что в процессах изменения знания считается нормой, в деятельности – браком, и наоборот. Поэтому ниже мы будем строго различать *деятельность* и *общение* как два существенно различных по типу, формам продукта, ориентациям вида человеческой активности, один из которых направлен на извлечение окружения средств к жизни – деятельность, а другой – на изменение знания и, через изменение знания, на изменение принятых в данном обществе и передаваемых от поколения к поколению способов деятельности – общение»¹¹. Здесь важно подчеркнуть, что упор на *новое знание и творчество, которое совершается только в сфере общения как субстанции культуры*, был сознательно сделан им еще во второй кандидатской диссертации: он сделал своим основным предметом *творчество индивида в науке*, определяющей всю современную «онаученную» культуру¹².

М.К. Петров на этом этапе развития своей философии испытывал влияние Г.С. Батищева¹³, который реконструировал идентичного и аутентичного Маркса, что само по себе было инновацией в противовес «догматической» советской философии. «Движение мышления как *познающего* по необходимости является творческим, – писал он, – ибо оно представляет собой процесс, в котором знание переплавляется в *новое* знание, обогащается, преобразуется, наполняется новым содержанием и принимает новые формы. Это – процесс *становления понятий*... В процессе мышления субъект постигает лишь то, что он подверг воздействию своих «сущностных сил», своих творческих преобразовательных способностей и превратил в составную часть или фактор своего культурного мира, в котором он себя опредметил. Творя свой предметный мир, человек творит и самого себя как продукт своей деятельности, творит свободно, как *causa sui*. Познанное – это *идеальное воплощение созидательной, конструирующей свой предметный мир мощи высшей человеческой активности* (выделено нами – авт.)»¹⁴. Но если Г.С. Батищев «боролся» с антиномизмом мышления, преодолеваемого в творчестве пока с позиций неогегельянства и неомарксизма, то М.К. Петров фактически неприкрыто критиковал Гегеля именно в аспекте апологии объективного «массива знания» и «культуры как деятельности» – дела «абсолютного духа».

Разумеется, Петров уже тогда не мог принять такую трактовку творчества, где говорилось о «свободе», но в контексте «тотальности»; где человек оказывался «коллективным творцом и открывателем»¹⁵, а не реальным, «живым человеком»

¹¹ Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991. – С. 37.

¹² См.: Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. – М., 2006. – С. 13, 11.

¹³ См.: Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. – М., 1963; Батищев Г.С. Творчество и рациональность // Человек, творчество, наука. – М., 1967.

¹⁴ Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. – М., 1963. – С. 95-96.

¹⁵ См.: Там же. С. 97-98.

конкретной эпохи, культуру которой этот смертный индивид и творил как по меркам универсальности эпохи, так и по меркам «человекоразмерности», собственной ограниченности в этом мире.

М.К. Петров, несомненно, не раз перечитывал и гениальную статью Э.В. Ильенкова «Идеальное», которая повлияла на некоторые его идеи, но, вероятно, настораживала тем, что в ней не упоминалось даже в контексте ни о творчестве, ни о «формах общения», а человек определялся лишь в плане его «общественно-исторической сущности»¹⁶. Тем более не могла устроить и такая критика гегельянства, в контексте которой культура выступала в независимых, отчужденных от человека формах, а идеальное понималось лишь как «деятельное» основание культуры, человек как субъект идеального оставался все тем же «коллективным» и «общественным», но не «смертным» творцом¹⁷. Основная интенция философствования Петрова и состояла в том, чтобы показать, что даже в своих исторически ограниченных, отчужденных формах культура зависит от отдельного, «смертного человека» и выступает продуктом его творчества – *творит и открывает новое всегда отдельный человек*, всегда найдется конкретный, пусть для нас и анонимный новатор, а не общественно организованное «научное поголовье».

Еще в своей второй диссертации М.К. Петров интерпретировал кёстлеровский *концепт бисоциации* (основной механизм творческого мышления) путем его перевода из биокибернетики в категориальный контекст лингвистики и философии языка (или лингвокультурологии, как сейчас стало модным говорить), создавая свой собственный философско-культурологический и философско-антропологический аппарат исследования творчества. Далее он рассматривал творчество наряду с репродукцией как два универсальных основания и механизма любой культуры, увязывая творчество с общением (связь человека с человеком посредством знания), а репродукцию с предметной деятельностью (связь человека с вещным и внешним миром). М.К. Петров шел по пути построения философии культуры на основе сопоставления моделей языка, речи, науки и кибернетики (идеи матрицы и кодов), понимая творчество как сущностную основу культуры-общения, которая хотя и невозможна без культуры-деятельности (в том числе и знаковой), но и *не сводима к деятельности*, как механизму опредмечивания.

Начнем с тех трудностей, которые испытал М.К. Петров в этой книге «Искусство и наука», пытаясь развести «творчество в искусстве» и «творчество в науке», более универсально – «творчество» и «репродукцию» как два основания и механизма культуры. «Конфликт между творчеством и репродукцией, – писал он, – конфликт древний, он всегда был и, видимо, долго еще будет существовать как в личной форме осуждения еретиков и отступников, так и в безличной форме войны технологической инновации с валом, нового со старым. Без этой затяжной войны нет развития, и какой бы ненужно жестокой, бессмысленной, несправедливой, грязной, глупой ни казалась диалектика этой войны, она все же действительная диалектика жизни»¹⁸. Интересно, что он здесь «технологические инновации» относит к феноменологии *творчества как создания «нового»*.

И лишь на первый взгляд кажется, что «репродукция» им интерпретируется сугубо отрицательно. Нет, М.К. Петров наоборот *онтологизирует репродукцию*, относя ее к основной системной характеристике «жизни вообще»: «Репродукция – основной тип биологической и социальной деятельности, на котором держится все то, что мы называем реальностью, действительностью, определенностью, объективностью, законом, системой. И в социальном целом, и в жизни каждого из нас репродуктивной схеме подчинена подавляющая часть жизнеотправлений: все навыки, технологические процессы, труд, обучение, образование, гражданские и пр. политические, ритуальные процедуры. Смысл репродукции – количественное умножение одних и тех же по качеству схем для того, чтобы получить серию одинаковых результатов. Основная функция репродукции – производ-

¹⁶ См.: Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 1962. – С.219, 220.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М., 1995. – С. 22.

ство для потребления»¹⁹. В этом плане любое *воспроизводство системы* (в том числе и неживой) – репродуктивно.

Но не являются ли «творчество», «новое» и «инновация» тем «временным» и «тленным», без которого не существует «вечное» и «репродуктивное»? И наоборот: не все ли то «новое», что является хорошо забытым «старым»? Очевидно, что М.К. Петров «творчество» и «инновации» изначально относил лишь к сфере человеческой культуры, имеющей дело с разнообразием и с возможностью выбора в ситуации больших степеней свободы в функционировании системы. И если творчество и репродукция оказываются изначально заложенными в *двухосновное бытие культуры*, то что тогда представляет сама культура как не свободное бытие «человека творящего»? Как снимет он апорию и антиномию «творчество – репродукция»? Абсолютно ли закрыта репродуктивная деятельность в сфере культуры для творчества?

С.С. Неретина отмечает следующий ход мысли М.К. Петрова в этом вопросе: «Для обнаружения двух видов творчества М.К. Петров вводит своего рода промежуточный термин – **творчество репродукции**... Этот этап созидания позволяет не замкнуться на репродукции, а перейти в нее в процессах творческого обновления»²⁰. Итак, творчество и репродукция как *универсальные основания бытия человека* и культуры оказываются диалектически сопряженными. Но как же эти универсальные основания оказываются воплощенными в жизни конкретного, «смертного человека»?

Во-первых, ученым вводится языковая модель культуры, в которой он, различая язык и речь, рассматривает диалектику творчества и репродукции, начиная с самых первых лет жизни человека. Речь идет о феномене языкового творчества ребенка в возрасте от 2 до 5 лет: «Как раз здесь, видимо, происходит титаническая работа выламывания и освобождения словаря из текстуальных связей – никто не учит ребенка говорить по словарю, он сам себе делает словарь, сам вытаскивает из текстов язык-систему как сумму априорных и не всегда соответствующих школьной грамматике правил»²¹. И в другой книге: «Тот факт, что акты речи, устной или письменной, обнаруживают близкую, а именно трансмутационную структуру *изменения смысла, сдвига значения, обновления* (выделено нами – авт.), может свидетельствовать только об одном: *творчество всегда было и всегда остается с нами* (выделено нами – авт.). Любой человек, владеющий любым языком, не только способен к творчеству, но фактически *приговорен к нему* (выделено нами – авт.). Всякий раз, когда он выступает в роли говорящего, он волей-неволей вынужден действовать по правилам трансмутационного акта общения – творить новый смысл и изменять наличный. Из этого, правда, не следует тождества форм познания, требований к продукту познавательных усилий индивида в том или ином обществе, но там, где индивидам приходится социализировать свои вклады, отчуждать их в общее достояние, ситуации и инструментарий в значительной степени универсальны»²². Обреченность человека на творчество сама собой не реализуется в его жизни, а из возможности переходит в действительность в зависимости от тех *способов организации творчества*, которые задаются конкретно-историческими социокультурными системами.

В реальной жизнедеятельности человека творчество как производство инноваций (нового знания, идеальных продуктов, образцов и технологий) всегда осуществляется в *институциональной форме*, организовано в специфические социальные институты В.Н. Порус так определяет социальные институты: «Институт социальный (от лат. *institutum* – установление, устройство, обычай) – 1) социальное установление как комплекс самых общих социальных (политических, правовых, моральных, религиозных и т.п.) норм, правил и принципов, культурных образцов, привычек, типов мышления и моделей поведения, определяющих сущность и устойчивость социальных явлений, обуславливающих и регулирующих социальные отношения, деятельность человека в различных областях ее приложения; 2) социальное образование, или учреждение, – социальная единица надын-

¹⁹ Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М., 1995. – С. 15.

²⁰ Неретина С.С. Михаил Константинович Петров: Жизнь и творчество. – М., 1999. – С. 34.

²¹ Петров М.К. Язык и предмет истории философии // Петров М.К. Историко-философские исследования. – М., 1996. – С. 138.

²² Петров М.К. Язык, знак, культура. – М., 1991. – С. 83.

дивидуального уровня, организация, выступающая субъектом социальных отношений и действий»²³. М.К. Петров, занятый созданием нового концептуально-понятийного аппарата для истории науки и истории философии, философии культуры и философии науки и образования столь много ввел новых терминов и концептов, что часто сам не успевал «переводить» их значения и смыслы друг в друга, сопрягать с общепринятыми понятиями и вписывать в наличный научный и философский дискурс, и концепты, нагруженные метафорическими смыслами, часто оставались в ранних работах, не переходили в новые тексты, которые, как и старые, чаще всего оказывались неопубликованными. Так обстоит дело и с такими понятиями как «институты обновления» и «институты трансляции», которые появляются в его работах в конце 60-х годов, потом мелькают в книге «Язык. Знак. Культура» (здесь он чаще пишет о «трансмутационно-трансляционном канале» или «трансмутационно-трансляционном интерьере»), а потом фактически исчезают или «перекодируются».

Поэтому в этом плане интерес представляют работы, опубликованные под общим названием в книге «Петров М.К. Самосознание и научное творчество». Здесь он уже не употребляет понятие «репродукция», как в книге «Искусство и наука», а пишет о «стабилизирующем ритуале», но также онтологизирует его, отмечая, что культура «к какому бы типу она не относилась, строится как совокупность социальных институтов и связей, образующих форму преемственного существования множества или, по крайней мере, нескольких поколений людей. Эта функционально-стабилизирующая сторона культуры (выделено нами – авт.), ее, так сказать, инерционная составляющая, налаженный ритуал (выделено нами – авт.), как раз и есть «связь всего», «всеобщее» данной культуры, которое вовсе не обязательно должно реализовываться через обмен товарного типа (вещная связь), но может использовать и другие виды связи-общения... Выделение инерционных составляющих в любой культуре не представляет серьезных трудностей, поскольку для любого общества, хотя и в снятом виде, остаются в силе естественные законы и прежде всего закон обмена веществ»²⁴. Он пока вполне мыслить в рамках марксистской парадигмы, увязывая жизнедеятельность человека с удовлетворением потребностей.

В этой работе и появляется его важное «приращение к массиву знания», которое он сам до конца не эксплицировал, увлекшись чисто семотическими схемами объяснения творчества: «Здесь мы выходим ко второму универсальному основанию классификации сравнения культур – к анализу *способов обновления ритуала* (выделено нами – авт.)... От институтов обновления зависит мера подвижности ритуала, скорость накопления в нем нового качества, движение социальной определенности и системы ценностей, способность общества адаптироваться к меняющимся условиям окружения и т.п. К тому же, а это для нас главное, *история человеческой мысли локализована не столько по ритуалу, где мышлению нечего делать, а по институтам обновления ритуала* (курсивом выделено нами – авт.). Здесь, а не в ритуале, возникают и самосознание и все виды творчества, в том числе и наука. В качестве исходной схемы обновления мы принимаем схему направленной селекции: индивидуальное творчество (в биологии – изменчивость) создает ситуацию выбора, окружение – селекционирует... Ритуал и институт обновления ритуала образуют, нам кажется, универсальные характеристики любого типа культуры: на сохранение или на обновление ритуала функционально ориентированы все виды деятельности и соответствующие социальные институты»²⁵. Но здесь возникает вопрос: а что значит мыслить? Разве сводится «мышление» только к творческому мышлению, только к производству нового в голове человека и социокодах культуры? А разве «творческое мышление» ребенка, как он сам подчеркивал постоянно, не есть «творчество репродукции», то есть вечное «открытие «велосипеда» языка и речи? Не являются ли «институты обновления» одновременно и «институтами ритуала», т.е. трансляции нового знания в повторяющиеся универсальные, общезначимые схемы?

²³ Порус В.Н. Институт социальный // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. – М., 2010. – Т.2.

²⁴ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д., 1992. – С. 9-10.

²⁵ Там же. С. 13, 14, 15.

Возникает и другой вопрос: не являемся ли свидетелями подмены концептами «репродукция» и «ритуал» более устоявшегося и более категориального понятия «традиция»? Тем более, что М.К. Петров постоянно противопоставлял «традиционные общества», основанных по преимуществу на репродукции «европейскому», универсально-понятийному способу бытия и мышления человека, обреченному на «творчество нового». Замечательно подметил В.И. Толстых: «Признавая правомерность противопоставления традиции *инновациям* и *современности*, следует проявлять большую осторожность в истолковании данной антитезы. Это возможно, если проблему наследия, или традиции, рассматривать в контексте более общего понятия *развития*. При таком подходе *любая традиция становится равноправным участником процесса развития, диалога «нового» со «старым»* (выделено нами – авт.), обеспечивая не только момент преемственности, но и жизненной полноты, богатства самого процесса изменения и обновления действительности»²⁶. Наверное, более содержательная критика концепции М.К. Петрова возможна на конкретно-историческом материале, что мы и проделаем ниже. Здесь же мы ограничимся той осторожной критикой, которую ей в свое время дал В.П. Римский.

Соглашаясь с М.К. Петровым в том моменте, что европейский культурно-цивилизационный тип является *аномальным*, «вывихом», отклонением от «нормального» традиционалистского, «естественного» пути развития человечества, В.П. Римский отмечал²⁷, что часто не учитывается диалектическое различие понятий «культура» и «цивилизация»: при их исторической конкретизации снимается противоположность «новации» и «ритуала», «творчества» и «репродукции». При таком подходе возможно и необходимо категориальное *включающее различие* «цивилизации» и «культуры»: цивилизация как социокультурная целостность выступает *всеобщим, формообразующим репродуктивным основанием* неповторимых, *уникальных культур*, обладающих многообразными пространственно-временными (хронотопными) и этнокультурными характеристиками, в которых реализуется *творчество* (креативная инновация), обладающая неповторимой актуальностью и индивидуальностью (здесь и сейчас), впоследствии застывающей во всеобщности и общезначимости *креативности-репродукции* (технологии-инновации).

Здесь, как видим, институты обновления и институты трансляции нового, инноваций, оказываются не только взаимополагаемыми, но в культурно-исторической конкретике и совпадающими до тождественности.

Индивиды-новаторы и творцы-авторы, анонимные или имеющие исторические установленное закрепленное имя, всегда *организованы в специфические группы, институты обновления-трансляции и субкультурные общности*, занятые в условиях конкретно-исторического разделения труда не только творчеством, т.е. *производством новых идеальных продуктов или изменением (творческой редакцией) старых*, но и их трансляцией, что и создает как *коммуникативные механизмы и идеальные формы развития (инновации)*, так и *способы стабилизации (традиции) культурно-цивилизационных систем*.

В этом плане, например, античная Пайдейя была не только институтом трансляции, но и производством инноваций, новых идеальных продуктов творчества философов в вечности Логоса и пространстве Номоса, как и средневековый университет объединял в жизнедеятельности магистров и студийозов творческое «доказательство бытия Бога» и репродукцию «божественной благодати» в таинствах Церкви, креативность Духа Святого в сакральной вечности причастия Телу Христову.

Список литературы

1. Абушенко В.Л. Инновация // Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн., 2003.

²⁶ Толстых В.И. Традиции // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. – М., 2010. – Т. 4.

²⁷ См.: Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород, 1998; Римский В.П. Концепт «инновации» в философии культуры // Проблемы философии культуры / Рос. акад. наук, Ин-т философии. Отв. Ред. С.А. Никольский. М., 2012. – С. 138-152; Римский В.П. Креативные инновации культуры или репродуктивные нововведения цивилизации? Опыт прочтения культурологии М.К. Петрова [Электр. носитель] // Социальные трансформации культуры: наблюдаемые тенденции и перспективы. Сборник статей. СПб, 2013. С. 77-93.

2. Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. – М., 1963;.
3. Батищев Г.С. Творчество и рациональность // Человек, творчество, наука. – М., 1967.
4. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону, 1979.
5. Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т. 2. – М., 1962.
6. Игнатова В.С., Римский В.П. Проблема «традиции – инновации» и генезис научно-инновационных субкультур: (культурно-цивилизационный контекст) // Наука. Культура. Искусство. Научный журнал БГИИК. – №1. – Белгород, 2012. – С. 34-57.
7. Кобяк О.В. Инновационная культура // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003;
8. Кобяк О.В. Инновационный образ мышления // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003.
9. Кучко Е.Е. Нововведение // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003.
10. Кучко Е.Е. Инновационный процесс // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003.
11. Кобяк О.В. Инновации социальные // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003.
12. Кучко Е.Е. Инновационные социальные технологии // Социология: Энциклопедия. – Мн., 2003.
13. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука. – М., 1983.
14. Панарин А.С. Инновации // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. – М., 2010.
15. Петров М.К. Античная культура. – М., 1997.
16. Петров М.К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. – М., 1995.
17. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М., 1996.
18. Петров М.К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. – М., 2004.
19. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. – Ростов н/Д, 1992.
20. Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. – М., 1992.
21. Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. – М., 2006.
22. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991.
23. Порус В.Н. Институт социальный // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2.
24. Римский В.П. Креативные инновации культуры или репродуктивные нововведения цивилизации? Опыт прочтения культурологии М.К. Петрова // Креативность в пространстве традиции и инновации. III Российский культурологический конгресс с международным участием. Санкт-Петербург, 27-29 октября 2010 г. – СПб., 2010.
25. Римский В.П. Креативные инновации культуры или репродуктивные нововведения цивилизации? Опыт прочтения культурологии М.К. Петрова [Электр. носитель] // Социальные трансформации культуры: наблюдаемые тенденции и перспективы. Сборник статей. СПб, 2013.
26. Римский В.П. Концепт «инновации» в философии культуры // Проблемы философии культуры / Рос. акад. наук, Ин-т философии. Отв. Ред. С.А. Никольский. М., 2012.
27. Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. – Белгород, 1998.
28. Неретина С.С. Михаил Константинович Петров: Жизнь и творчество. – М., 1999.
29. Николаев А. Инновационное развитие и инновационная культура // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 5. – Режим доступа: <http://stra.teg.ru/lenta/innovation/1362>.
30. Струк Е.Н. Социальные пределы инновационных изменений: философско-методологический анализ. Автореферат диссертации... д. филос. н. /09.00.11 – социальная философия. – Красноярск, 2013.
31. Толстых В.И. Традиции // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. – М., 2010. – Т.4.

PROBLEM OF INNOVATIONS IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE OF M.K. PETROV

V.S. IGNATOVA

*Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: vera_bgiiik@mail.ru

The paper explicates the philosophical meanings of the notions “innovation”, “institution of innovation”, “translation of knowledge” in terms of M.K. Petrov and contemporary social sciences and humanities.

Key words: innovation, creativity, reproduction, ritual, tradition, culture, civilization., innovational institution, institution of translation.